

*А.А. Пережогин***Ведомственный батальон кабинетских заводов
Западной Сибири**

Ключевые слова: горный батальон, военно-горный строй, источники комплектования, военный мундир.

Key words: the Mountain battalion, military-mountain build, sources of acquisition, a military uniform.

Вопрос военизированного государственного управления является terra incognita отечественной политической истории. Военные методы руководства страной всегда использовались авторитарными и тоталитарными режимами, но в разной степени и в отличных друг от друга исторических условиях. В XVIII–XIX вв. военный стиль управления базировался на господстве сословного строя и принудительных формах труда в экономике Российской империи. Наиболее завершённый вид военизированная система управления приобрела в горно-металлургической промышленности Урала, Алтая и Восточного Забайкалья.

Одним из лидеров процесса военизации в отрасли являлся Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ – крупный горно-металлургический комплекс в Западной Сибири. Важнейшим компонентом местной военизированной системы управления выступал горный батальон. Кратко, но емко история его учреждения представлена в работе Т.Н. Соболевой и В.Н. Разгона [1, с. 30]. Подробнее – в монографии А.А. Пережогина [2, с. 89–110]. Вместе с тем в специальных исследованиях современных историков российских вооружённых сил О.Г. Леонова, И.Э. Ульянова и Ю.А. Фабрики о ведомственном военизированном формировании горнозаводского района Западной Сибири мы не найдем ни слова [3–5]. Явно неточная информация о пополнении военизированного подразделения Алтая рекрутами из разных губерний Российской империи содержится в дореволюционном издании военной статистики [6, с. 73]. По мнению Т.И. Агаповой, изначально из офицеров и солдат сибирских частей была сформирована зависимая от кабинетского ведомства (с 1751 г. – главного командира заводов) воинская команда Колывано-Воскресенских заводов [7, с. 211]. Однако присылавшиеся в 50-е гг. XVIII в. на колывано-воскресенские предприятия сибирские военнослужащие считались временно приданными. В 2001 г. томские исследователи опубликовали работу, претендующую на комплексное рассмотрение ведомственных силовых структур Алтайского горного округа [8]. Это сочинение следует, с нашей точки зрения, признать неудачным. Прежде всего вызывает недоумение объем материала, посвященный военизи-

рованному подразделению Колывано-Воскресенских заводов – 13 страниц из 218. При этом исследованными оказались второстепенные и малозначительные сюжеты, в то время как многие важные аспекты темы остались вне поля зрения авторов. Следствием слабого источниковедческого анализа стали многочисленные фактические ошибки.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дать целостное представление об истории возникновения и развития ведомственного военизированного подразделения колывано-воскресенских предприятий, его организации, общей численности, финансировании, обмундировании, источниках комплектования и исполнявшихся функциях.

Ввиду наличия реальной угрозы со стороны Джунгарского ханства и Цинской империи в горнозаводском районе Западной Сибири с лета–осени 1748 г. в продолжение сложившейся здесь оборонительной практики был расквартирован значительный контингент регулярных войск. По решению «консилиума», который состоялся в январе того же года в Тобольске, к кабинетским предприятиям были прикомандированы офицеры и солдаты Енисейского, Тобольского пехотных и Новоучрежденного драгунского полков. На Колывано-Воскресенских заводах располагались также томские и кузнецкие городские казаки. Участники «консилиума» – главный командир заводов А.В. Беэр, генерал-майор Г.Х. Киндерман и сибирский губернатор А.М. Сухарев утвердили штатное расписание, согласно которому охрану Змеиногорского рудника, Барнаульского и Колыванского заводов должны были осуществлять 250 драгун, 600 солдат, 850 казаков. Фактически в 1756 г. оборонительные функции на главных производственных объектах Алтая осуществляли 830 военнослужащих регулярных сибирских частей и 571 казак, а спустя 5 лет – соответственно 897 и 374 чел. (включая 2 донских казаков) [9, л. 87–87об.; 10, л. 509–511; 11, л. 37–37об., 40, 42, 43об.–44].

Кроме военно-оборонительной функции важной особенностью пребывания военнослужащих сибирских подразделений на Колывано-Воскресенских заводах являлось их широкое привлечение к заводским и рудничным работам, продиктованное нуждами производства и острой нехваткой рабочей силы. Так, в мае 1756 г. «в горных и заводских работах» находилось 10 гренадеров, 203 солдата, 270 казаков. В 1758 г. военное командование выслало «в горную работу» 130 чел. По отзыву Канцелярии горного начальства

военнослужащие «работают весьма лениво, горных и заводских офицеров и мастеровых не слушают, ропшут и невежествуют» [9, л. 90; 10, л. 509–512; 12, л. 161об.]. Удовлетворение потребности заводов и рудников в рабочих руках в 1761 г. позволили местному начальству отказаться от труда солдат на предприятиях и использовать их для решения многочисленных хозяйственных и полицейских задач.

По указу от 12 января 1761 г. в полное ведение горных властей поступили четыре роты (№5, 6, 7 и 8) Енисейского пехотного и одна рота №10 Новоучрежденного драгунского гарнизонных полков, которые образовали прототип ведомственной воинской команды. Служащие рот получали надбавку к жалованью из «заводской суммы» [13, с. 621]. Казаки были распределены «по крепостям и фарпостам по ненадобности». Сено и фураж от казаков передавались драгунской роте «для продовольствия казенных лошадей» [11, л. 97–98]. Интеграция сибирских военнослужащих в систему управления Кольвано-Воскресенским горнозаводским комплексом стала веским аргументом для Канцелярии горного начальства, добившейся при посредничестве Сената 7 ноября 1762 г. согласия Екатерины II на превращение пяти рот сибирских частей в ведомственное военизированное формирование. С этого времени оно начало полностью содержаться на заводские средства [14].

Штатное расписание от 26 августа 1764 г. завершило законодательное оформление ведомственного военизированного подразделения, получившего название «Кольвано-Воскресенского батальона» [15; 16, с. 79–80, 132–133]. По своему статусу он приравнивался к полевым войскам. Расписание насчитывало 523 штатные единицы. Весной 1765 г. оно было реализовано на практике. Из 647 военнослужащих 139 были отчислены в отставку, гарнизонные полки и Нерчинские роты [17, л. 39–41об.]. В 1765 г. Кольвано-Воскресенскому батальону предоставили два знамени с пожалованием «из комнаты Ея Императорского Величества голубого, белого и пунцового гроденипеля» [18, л. 7–7 об., 9–10об.]. В документах, датированных 80-ми гг. XVIII в., подразделение фигурирует под названием «Кольвано-Воскресенского горного батальона». В 1797 г. оно было переименовано в Кольвано-Воскресенский заводской батальон [19, л. 16–16об., 218–223]. В 1786 г. Кабинет усилил ведомственную автономию подразделения от военного ведомства, запретив начальнику заводов представлять в Военную коллегия ведомости о сыновьях служащих горного батальона [20, л. 68–69; 21, л. 10–10об.].

Служащим Кольвано-Воскресенского батальона полагался мундир: «кафтан красной, отвороты, обшлага, воротники, камзол и штаны зеленые, с медными белыми пуговицами». В 1786–1789 гг. они получили белые епанчи (плащи) и черные каски, а в 1798–1799 г. – шерстяные шляпы и шинели по обще-

армейским образцам [16, с. 79–80; 19, л. 163–165, 337–345, 392–392об., 414–414об.; 21, л. 212–212об.]. На содержание батальона уходило более 12 тыс. руб. в год. В 1795–1796 гг. батальонные служащие получили прибавку к жалованью: обер-офицеры по 40, унтер-офицеры и рядовые по 2, нестроевые по 1 руб. Денежный расход был увеличен на 1654 руб. [22, л. 168об.–173; 23, л. 64–64об.]

В организационном плане батальон состоял из одной конной и трех пехотных рот. В 1782 г. единственная конная рота была преобразована в пехотный контингент [24, л. 38]. Согласно штатному расписанию в одну роту входили 129 военнослужащих: 4 обер-офицера, 10 унтер-офицеров, 2 музыканта, 110 рядовых, 3 нестроевых. На деле ситуация была иной. Со временем появились расхождения между реальным составом рот и штатами. В 70-е гг. XVIII в. в батальоне возник недобор рядовых на фоне увеличения численности унтер-офицеров. В результате последние замещали солдатские вакансии.

Во главе роты стоял капитан, на которого возлагалась вся ответственность за нее. Его помощниками были поручик и подпоручик. Они занимались строевым обучением солдат и заменяли капитана в его отсутствие. В обязанности прапорщика входила забота о нижних чинах роты. Унтер-офицерские должности в роте занимали старший и младший сержанты, каптенармус, подпрапорщик, фурьер и капралы. Первые смотрели за порядком в роте, за исполнением приказов капитана. Каптенармус ведал приемом и раздачей боевых припасов и следил за исправностью вооружения и амуниции. Подпрапорщик во всем помогал прапорщику. Фурьер заведовал расположением роты в промышленном поселке, заготовлением фуража, ротного имущества и обмундирования. Капралы командовали подразделениями роты – капральствами из 20–25 человек. За состоянием здоровья в роте следил цирюльник. Музыканты были представлены барабанщиком и флейтщиком (кроме конной роты). В 1798 г. старшие сержанты стали именоваться фельдфебелями, а каптенармусы, фурьеры и капралы – унтер-офицерами [19, л. 17–17об., 228–230].

Управление батальоном осуществлял «батальонный штаб» (подполковник или премьер-майор, секунд-майор). При командире батальона состоял адъютант. Делопроизводство находилось в батальонной канцелярии, где велась переписка с горным начальством и составлялись разнообразные ведомости о состоянии личного состава, вооружении, обмундировании на основании сведений, поступающих из рот. Письменной частью занимались батальонный и ротные писари.

Именным указом от 3 января 1802 г. Кольвано-Воскресенский заводской батальон получил новое название – «Кольванская горная штатная команда». Ее снабжение и финансирование производилось по штатам армейских пехотных полков 1798 г. Однако

по желанию императора она состояла «наравне со штатными губернскими командами», а не полевыми войсками. К четырем имевшимся ротам была прибавлена еще одна [25, л. 26–27; 26]. Расцветка форменной одежды осталась прежней, кроме белых панталон. В 1817 г. команда насчитывала в своих рядах 695 служащих [27, л. 91об.–92, 96, 121–121об.].

В апреле 1820 г. Кольванская горная штатная команда была переименована в горный батальон №4, который причислялся к отдельному корпусу внутренней стражи. С этого времени верховная власть взяла курс на преодоление обособленного существования горных команд казенных и кабинетских заводов от военного ведомства. Вводилось деление рядового состава на 4 роты по 150 человек в каждой и новое обмундирование по образцу жандармерии: мундир и панталоны «голубого сукна» с желтыми эполетами и черными кожаными крагами, лакированный белый кивер. Офицерам полагались серебряные шарф, темляк, эполеты, погончики, кутасы [28, л. 8, 16–17, 261–261об.; 29, с. 171–172]. Однако реформа сильно затянулась и в конечном итоге не была завершена. Только в июле 1824 г. Кольванская команда получила новое название. Вопрос обмундирования офицеров был решен в мае 1825 г. [28, л. 54–54об., 259–260об.]. Ситуация осложнялась отсутствием Положения о Горных батальонах и ротах. Оно должно было внести ясность в вопросы финансирования, комплектования, распределения полномочий между горным и военным начальствами по управлению военизированными формированиями, решить проблему учреждения горных конных команд. Его составление было поручено командиру Отдельного корпуса внутренней стражи и директору Департамента горных и соляных дел. В 1828 г. к ним присоединился начальник Кольвано-Воскресенских заводов. В мае этого же года генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский, тайный советник Е.В. Карнеев и обер-берггауптман П.К. Фролов подготовили окончательные варианты Положения и штатов горных батальонов, которые так и не были одобрены императором [30, л. 224–246об.]. В январе 1828 г. на кольвано-воскресенских предприятиях находились 7 обер-офицеров, 48 унтер-офицеров, 11 музыкантов, 558 рядовых, 8 денщиков и 13 нестроевых чинов [31, л. 1об.–3].

Проект Положения о Горных батальонах и ротах 1828 г. лег в основу другого документа, инициировавшего новую реорганизацию ведомственных военизированных формирований казенных и кабинетских горнозаводских предприятий – Положение о Линейных батальонах и подвижных инвалидных ротах при горных заводах. Оно было утверждено Николаем I 19 апреля 1829 г. Согласно ему Горный батальон №4 приписывался к Отдельному сибирскому корпусу и преобразовывался в Линейный сибирский батальон №12 (в 1831 г. он сменил порядковый номер на 10).

Он входил в состав 2-й бригады (позднее сменила порядковый номер на 3) 29 пехотной дивизии (позднее сменила порядковый номер на 23 и 24). Были введены новые образцы форменной одежды: темно-зеленые мундиры с красными воротниками, погонами, обшлагами, выпушкой, оловянными пуговицами и серебряным галуном для унтер-офицеров; серые шинели с красными воротниками и погонами; черные кивера с белыми гренадами «англинской жести» с прорезным номером батальона; «смазные» сапоги с мягкими голенищами. В 1838 г. батальону № 10 было присвоено знамя Московского гарнизонного полка 1711 г. [32, л. 13–14; 33, с. 257–262]

Указ министра финансов от 7 октября 1830 г. закрепил систему двойного административного подчинения Линейного сибирского батальона №12 горному и военному ведомствам. Военное начальство было обязано его «инспектировать и управлять по службе наравне с прочими войсками Отдельного Сибирского корпуса» [34, л. 512–513об.]. Вместе с тем преобразования 1829–1830 гг. не коснулись назначения и обязанностей Линейного сибирского батальона №12 (№10), его зависимости по служебному использованию от горной администрации.

С 1829 г. материальное обеспечение линейных подразделений Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводов осуществлялось из двух источников. Обмундирование и вооружение предоставляло военное ведомство. Расходы на жалованье и провиант ложились на заводскую кассу [33, с. 260]. По штатам 1849 г. годовое содержание военизированного подразделения обходилось Алтайским заводам 16 тыс. руб. серебром [35, с. 85]. Кроме того, военнотрудовые обеспечивались казармами. Они возводились за счет заводских средств или предоставлялись в виде готовых заводских строений. Так, военный контингент в Змеиногорске располагался в деревянном здании, занимаемом ранее горной конторой, а потом «в доме, назначенном под денежную кладовую». Согласно распоряжению главного начальника заводов от 11 ноября 1840 г. военная команда Салаирского рудника должна была разместиться в здании местной школы. С 1836 по 1841 г. велось строительство военной казармы в Барнауле. Она стоила заводской казне 3714 руб. 28 ½ коп. серебром [36, л. 73–74, 76–76об.; 37, л. 9–9об.; 38, л. 36–36об., 362–362об., 423, 442].

В 1830 г. штат военного контингента кабинетских предприятий Западной Сибири увеличился до 1059 служащих: 2 штаб-офицера, 18 обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 17 музыкантов, 920 рядовых, 22 нестроевых чина [39, л. 145–145об.]. В 1839 г. выросли оклады жалованья штаб- и обер-офицеров военного формирования Алтайских заводов: подполковнику полагалось 1300, майору – 1200, капитану – 1100, штабс-капитану – 1000, поручику – 850, подпоручику – 800, прапорщику – 750 руб. в год [40, л. 1–2].

В 1849 г. под командованием подполковника А.К. Речкунова находилось 1016 военнослужащих Линейного сибирского батальона №10. Из них 743 (более 70%) были задействованы в Барнауле, Змеиногорске и Салаире [41, л. 54–58об.]. В 1862 г. военизированное подразделение алтайских предприятий насчитывало 984 чел.: 1 штаб-офицер, 16 обер-офицеров, 81 унтер-офицер, 16 музыкантов, 834 рядовых, 17 денщиков, 19 нестроевых чинов [42, л. 12–14].

Именным указом от 14 марта 1865 г. сибирский №10 и оренбургский №8 батальоны были выведены из «общего состава» линейных войск и переименованы соответственно в Алтайский и Уральский горнозаводские батальоны. При этом они сохранили прежнее штатное устройство [43, с. 308]. Деятельность Алтайского горнозаводского батальона была непродолжительной. 2 июля 1871 г. император Александр II утвердил положение Военного совета, согласно которому упразднялся последний элемент военно-горного строя на Алтае, когда батальон преобразовывался в местную команду Барнаула [44, с. 16].

Послужные и формулярные списки второй половины XVIII – первой четверти XIX в. дают представление о динамике источников комплектования военизированного подразделения Колывано-Воскресенских заводов. Главным критерием оценки выступило социальное и территориальное происхождение новобранцев. При этом мы разделили источники комплектования на внутренние и внешние резервы [2, с. 206–208]. Поставщиком внутренних ресурсов выступали естественный прирост военного формирования (дети офицеров и военных нижних чинов), а также сыновья подведомственных местному горному начальству категорий населения, прежде всего приписных крестьян и мастеровых. Приток внешних источников обеспечивали военнослужащие посторонних военизированных подразделений: Енисейский, Тобольский, Селенгинский пехотные полки, Новоучрежденный (Колыванский), Сибирский, Луцкий, Троицкий, Вологодский драгунские полки, Тобольские гарнизонные батальоны и губернские роты, Томский пограничный батальон, Иркутские гарнизонные батальоны, Нерчинский горный батальон, Семиполатный полевой батальон, части ландмилиции и городские казаки.

Со временем возрастало значение внутренних ресурсов по происхождению и месту выхода. К концу первой четверти XIX в. они играли роль основного поставщика кадров для воинского контингента горнозаводского района Западной Сибири. Эта тенденция сохранилась в дальнейшем, но имела одну особенность. С 1829 г. командный состав формирования пополнялся главным образом за счет служащих военного ведомства. Своих офицеров на Алтай отправляли: Линейные сибирские батальоны, Витебская инвалидная команда, Калужский, Полтавский, Житомирский внутренние гарнизонные батальоны, Нарвский егерский полк. С

1834 г. в Линейный сибирский батальон №10 могли зачисляться выпускники Института Корпуса горных инженеров. Что касается рядового состава, то потенциал наполнения внешними резервами самой массовой части военизированного подразделения Алтайских заводов был более чем скромным. В переписке батальона №10 упоминаются 36 рекрутов из государственных крестьян, 41 пленный поляк («уроженцы Царства Польского»), рядовой лейб-гвардии Егерского полка, несколько солдат Линейных сибирских батальонов [45, л. 1–1об.; 46, л. 591–591об.]. В 1830 г. начальник заводов П.К. Фролов окончательно отменил практику присылки в батальон военных арестантов. Доминирующими источниками комплектования воинского формирования горных предприятий Алтая во второй трети XIX в. выступали заводские рекруты из приписных крестьян и малоквалифицированные мастеровые. После освободительной реформы 1861–1863 гг. в качестве кадровых ресурсов для Линейного сибирского батальона №10 фигурировали бывшие приписные крестьяне, государственные крестьяне Смоленской и Подонинской волостей, барнаульские, бийские и кузнецкие мещане. Бывшие мастеровые и урочники были временно освобождены от рекрутской повинности [47, л. 131–132, 135–137об., 140–140об.]. Обострение социальной обстановки в округе в 1864 г. заставило горное начальство «перевести в другие батальоны служащих в батальоне №10 польских уроженцев, заменив их благонадежными нижними чинами из русских» [48, л. 32–34; 49, л. 148–151].

Служебные обязанности ведомственного военизированного подразделения кабинетских предприятий Западной Сибири были очень разнообразны и универсальны. Его военнослужащие привлекались к охране денежной казны, металлов, пороховых погребов, припасных и провиантских «магазинных», административных учреждений; сторожевой службе при тюрьмах и гауптвахтах; ночному дозору в горнозаводских центрах; конвою колодников и арестантов; исполнению телесных наказаний; сопровождению караванов с серебром и изделиями Колыванской шлифовальной фабрики в Петербург; опеке законтрактанных иностранцев во время пути их следования на заводы; лесоохране; рассыльной службе; доставке товаров с Ирбитской и Нижегородской ярмарок; закупке провианта и пеньки для предприятий; поставке нерчинского свинца, пороха и селитры из Тобольска; набору заводских рекрутов; тушению пожаров (в том числе лесных); пресечению мародерства на пожарах; опалке лесов; поимке «разного звания беглых людей»; уборке по дорогам палого скота; к смотрению за «народным конским табуном»; высылке приписных крестьян «к исправлению заводских работ»; подавлению крестьянских выступлений.

Именно при Колывано-Воскресенском батальоне оформился и функционировал постоянный военный

суд [50, с. 132–145]. Служащие военного формирования возглавляли ведомственные полицейские структуры, исполняли функции низших полицейских чинов [51, с. 13–34]. Довольно часто батальонных обер- и унтер-офицеров использовали на должностях земских управителей – чиновников уездного уровня в приписной деревне. Кроме того, военным служащим поручались обязанности комиссаров при заводских конторах, должности лесных приставов, смотрителей заводских тюрем, госпиталей, конюшен. Они могли служить волостными писарями, станционными смотрителями, вахмистрами, делопроизводителями судебных и полицейских учреждений.

Таким образом, первоначальное присутствие офицеров и рядовых сибирских частей на Кольвано-Воскресенских заводах было продиктовано прежде всего внешней опасностью и производственной

необходимостью. Значительные контингенты военнослужащих использовались на горных и заводских работах. Архивные документы не подтверждают существование в 50-е гг. XVIII в. зависимого от кабинетского ведомства военного подразделения. Оно было создано в 1762–1765 гг. и неоднократно меняло название, просуществовало до 1871 г. Источники комплектования воинского формирования черпались преимущественно из внутренних резервов: естественного прироста, мастеровых и работных людей, людских ресурсов приписной деревни. Обязанности военнослужащих были разнообразны и включали административные, хозяйственные, полицейские, судебные функции. Военное подразделение кабинетских предприятий Западной Сибири являлось важным кадровым источником для других институтов военно-горного строя.

Библиографический список

1. Соболева, Т.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание / Т.Н. Соболева, В.Н. Разгон. – Барнаул, 1997.
2. Пережогин, А.А. Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.) / А.А. Пережогин. – Барнаул, 2005.
3. Леонов, О.Г. Регулярная пехота: 1698–1801 / О.Г. Леонов, И.Э. Ульянов. – М., 1995.
4. Ульянов, И.Э. Регулярная пехота: 1801–1855 / И.Э. Ульянов. – М., 1996.
5. Фабрика, Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири) / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск, 2001.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи: Томская губерния. – Т. XVII. – Ч. 2. – СПб., 1849.
7. Агапова, Т.И. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. / Т.И. Агапова // Сибирь периода феодализма. – Вып. 1: Сибирь XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1962.
8. Малолетко, А.А. Воинство Алтайского горного округа (1726–1917) / А.А. Малолетко, А.М. Малолетко. – Томск, 2001.
9. Центр хранения Архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1.
10. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 209.
11. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 350.
12. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 230.
13. Полное собрание законов Российской империи, собрание 1-е (ПСЗРИ-1). – Т. 15. – №11185.
14. ПСЗРИ-1. – Т. 16. – №11705.
15. ПСЗРИ-1. – Т. 16. – №12230.
16. ПСЗРИ-1. – Т. 43. – Ч. 1: Книга штатов. Отд. 1.
17. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 424.
18. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 3720.
19. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 156.
20. ЦХАФ АК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 115.
21. ЦХАФ АК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 445.
22. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 700.
23. ЦХАФ АК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 871.
24. ЦХАФ АК. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 298.
25. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 425.
26. ПСЗРИ-1. – Т. 27. – №20101.
27. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1964.
28. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 3126.
29. ПСЗРИ-1. – Т. 37. – №28244.
30. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 3860.
31. ЦХАФ АК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 3950.
32. ЦХАФ АК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 72.
33. Полное собрание законов Российской империи, собрание 2-е (ПСЗРИ-2). – Т. 4. – №2824.
34. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3396.
35. ПСЗРИ-2. – Т. 24. – Отд. 2: Приложения. Штаты и таблицы.
36. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 26.
37. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 270.
38. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3731.
39. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3346.
40. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 237.
41. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 741.
42. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 7140.
43. ПСЗРИ-2. – Т. 40. – Отд. 1. – №41915.
44. ПСЗРИ-2. – Т. 46. – Отд. 2. – №49775.
45. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 201.
46. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3585.
47. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 9140.
48. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 1335a.
49. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 1341.
50. Пережогин, А.А. Ведомственный военный суд на кабинетских заводах Западной Сибири / А.А. Пережогин // Исторический ежегодник. 2007. – Новосибирск, 2007.
51. Пережогин, А.А. Ведомственная горная полиция Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1751–1868 гг.) / А.А. Пережогин // Вестник Барнаульского юридического института. – Вып. 5. – Барнаул, 2003.